

Прилагательные со значением ‘кудрявый’ в сербском языке

Очередной том «Общеславянского лингвистического атласа» («Личные черты человека») представит большое число прилагательных, оязыковляющих следующие идеограммы: ‘большой’, ‘бородатый’, ‘глухой’, ‘голый, неодетый’, ‘горбатый’, ‘добрый’, ‘жилистый’, ‘имеющий веснушки’, ‘косоглазый’, ‘красивый’, ‘кудрявый’, ‘ленивый’, ‘лысый’, ‘немой’, ‘охотно и хорошо работающий’, ‘плаксивый’, ‘пугливый’, ‘рыжий’, ‘сильный’, ‘скупой’, ‘слепой’, ‘толстый’, ‘усатый’, ‘хромой’, ‘худой’.

В большинстве случаев это прилагательные, которые обозначают внешние черты и физические качества человека, прежде всего ярко выраженные, — те, которые отличают его внешность от «нормы» [Драгићевић, 2001, 92]. С некоторой долей условности данные прилагательные можно разделить на следующие группы:

- 1) прилагательные, обозначающие полное отсутствие определенного физического качества: *глухой, немой, слепой*;
- 2) прилагательные, обозначающие степень выраженности определенного признака: *большой / маленький, красивый / некрасивый, сильный / слабый, толстый / худой*;
- 3) прилагательные, обозначающие явную аномалию (физический недостаток) во внешнем облике человека: *горбатый, косоглазый, хромой*;
- 4) прилагательные, обозначающие наличие у человека определенного соматического признака: *бородатый, усатый*;
- 5) прилагательные, обозначающие прочие внешние характеристики человека: *кудрявый, лысый, рыжий*.

Прилагательные, характеризующие физические черты человека, могут вступать в антонимические пары (*толстый / худой*), однако число таких пар относительно невелико. В большинстве своем данные

прилагательные обозначают признаки, присущие не всем людям, а такие прилагательные не имеют антонимов. В этом смысле особенно показательны лексемы, обозначающие физические недостатки (*горбатый, косоглазый, хромой*) и полное отсутствие определенного физического качества (*глухой, немой, слепой*). Прилагательные такого типа вступают в оппозитивные отношения с нелексикализованными нейтральными членами, выражающими отсутствие данного признака. Таким образом, «антонимом» прилагательного *горбатый* является нелексикализованное определение ‘нормальный, без деформации позвоночника’, а «антонимом» прилагательного *кудрявый* является нелексикализованное определение ‘тот, который не имеет кудрей, некудрявый’ (см. другие примеры в [Драгићевић, 2001, 187]).

В процессе работы над морфонологической транскрипцией сербского материала наше внимание привлекла идеограмма ‘кудрявый, с вьющимися волосами’, поскольку она реализована самым большим числом лексем: *врткав, грзуљав, грзурав, грегурав, грчкав, кврчав, кекераст, ковриав, кокорав, крецав, кудрав, куиљав, куштрав, фрикан, чечвераст, чечерав, чечурав, чичурав, чкогртљав, чупав*.

Напомним, что в этих примерах мы имеем дело с вторичным значением, так как изначально прилагательное относилось к отдельному соматическому объекту и лишь затем, в результате перспективизации, стало относиться к человеку: *кудрявые волосы* > *кудрявый человек* [Драгићевић, 2001, 223].

В центре нашего внимания — происхождение рассматриваемых лексем, многие из которых не имеют общепринятой этимологической трактовки. Так, прилагательное *куштрав*, согласно одному толкованию, восходит к праслав. **kustravъ(jь)*, производному от глагола **kustriti*, который считается экспрессивным вариантом **kutiti* ‘гнуть’ [ЭССЯ, 13, 136], а согласно другому толкованию — к праслав. **kustrъ, *kustra* в связи с **kustъ* ‘куст’ [Snoj, 337–338]. Еще более противоречивы сведения о происхождении прилагательного *кокорав*. Оно толкуется, во-первых, как дериват праслав. **kokora* ‘кудря’ (?) [Skok, 2, 120–121]; во-вторых, как производное от праславянской основы **koko-*, представляющей собой редупликацию слова **ko-r-enъ* [Sławski, 2, 335–336]; в-третьих, как праслав. **kokoravъ(jь)* — прилагательное, образованное от существительного **kokora*, родственного **kočera* / **kočerъ* [ЭССЯ, 10, 114–115], которое, в свою очередь, связывается с **kočanъ*, образованным от слабо

засвидетельствованной основы **kok-*, варианта основы **kuk-*, с общей семантикой чего-то возвышающегося, торчащего [см.: Бјелетић, 2006, 249–250; ЭССЯ, 10, 104–105].

Когда будет опубликован упомянутый том «Общеславянского лингвистического атласа», станет возможным сопоставление рассматриваемых сербских прилагательных с лексическими реализациями понятия ‘кудрявый’ в остальных славянских языках с целью обнаружения потенциальных лексико-семантических изоглосс.

Бјелетић М. Исковрнути глаголи. Београд, 2006.

Драгићевић Р. Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику. Београд, 2001.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.

Škok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–4. Zagreb, 1971–1974.

Ślawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–.

Šnoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2003.

О. В. Белова

Институт славяноведения РАН, Москва
kotmonya@yandex.ru

Сакральные имена в славянских народно-христианских легендах (имянаречение, переименования и трансформации имен)*

В докладе представлены некоторые результаты многолетнего исследования, посвященного текстологии славянских народных этимологических легенд. Народно-христианские тексты (легенды, предания и мотивированные библейскими сюжетами и мотивами поверья) уделяют значительное внимание как именованию сакральных персонажей (на этом часто базируется сюжетосложение), так и значению

* Работа выполнена в рамках проекта «Проблемы межнациональных контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи» (грант РФФИ, 15-18-00143).

© Белова О. В., 2015